

ПЕРСПЕКТИВЫ МЕТАФИЗИКИ И ПРОБЛЕМА НОВОГО ЕЁ ОБОСНОВАНИЯ В ЭПОХУ ПОСТ-ПОСТМОДЕРНИЗМА*

Аннотация: В данной статье автор анализирует ситуацию разрушения образа классической метафизики, сложившуюся в интуициях постмодернизма и неопрагматизма. Особое внимание обращается на возможность нового обоснования метафизики - как «метафизики процесса», востребованной в контексте современной философии коммуникации. Потенция данного варианта метафизической конструкции может быть обнаружена в рамках русской религиозно-философской антропологии.

Ключевые слова: постмодернистский дискурс, пост-постмодернизм, обоснование метафизики, «метафизика процесса», религиозно-философская антропология, персонализм.

Необходимость оценки наследия постмодернизма в настоящее время обусловлена той ситуацией неопределенности и необходимости переоценки прежнего опыта и поиска новых путей развития, в которой оказалась современная философия.

В данном случае, говоря о постмодернизме мы, вслед за И.П. Ильиным [6, 269] понимаем под ним весь «постструктуралистско-деконструктивистско-постмодернистский» идейный комплекс, «усугубленный» интуициями неопрагматизма, в частности позицией Р.Рорти. Р. Рорти, которого иногда называют «неопрагматичным постмодернистом» [17, 166], подвергает все ценности, все понятия истины и знания гораздо более радикальной ревизии, чем сами постмодернисты, идя дальше их в преодолении метафизики. «Переход...от метафизического Логоса к постметафизической мысли служит выражением готовности рисковать, в отличие от попыток избежать своей конечности, поставив себя в один ряд с бесконечной силой». [14, 94]

«Постструктуралистско-деконструктивистско-постмодернистский» комплекс и интуиции неопрагматистов (включая позицию этноцентризма Рорти) во многом обусловили идеологический фундамент процессов культурной глобализации. Состояние, переживаемое всей системой гуманитарного знания на современном этапе, уже получило название «послепостмодернизм», «пост-постмодернизм», after-постмодернизм. [11] Встречаются и более ёмкие понятия, отражающие

специфику и последствия постмодернистского дискурса. Например, термин «трансмодернизм», предложенный В.А. Кутыревым [9,14], подразумевает негативную оценку роли постмодернизма в последующем развитии информационных технологий и связанную с этим деформацию человеческого бытия.

Или представление о современной культурной ситуации, как об этапе «прото-Х», принадлежащее М. Эпштейну, которое по-своему оригинально, так как позволяет дистанцировать изучаемое явление от прошлого состояния и конституировать его качественно иной статус. «Мы живем, - отмечает Эпштейн, - не после (модернизма, структурализма, утопизма, коммунизма...), но в самом начале нового периода, который лучше всего характеризуется приставкой «прото-»: протоглобальный, протоинформационный, протовиртуальный...».[20,24] Однако употребление Эпштейном данного конструкта не избавляет самого мыслителя от необходимости осмысливать и преодолевать влияние постмодернизма.

Осознание необходимости частичной реабилитации метафизики и связанный с ней поиск нового её обоснования в философии (в частности, в русской философии) начинается сразу же после критической оценки наследия постмодерна. Попытки реанимировать метафизику начались тогда же, когда стало понятно, что постмодернизм – это прошедший этап. Так, например, Г.Л. Тульчинский, М.С. Уваров, С.С. Гусев, Д.Н. Козырев и др. в своей работе «Перспективы метафизики: классическая и неклассическая метафизика на рубеже веков» претендуют на то, чтобы обосновать новый статус метафизики, которая помогает конституированию иной культурной парадигмы. [13] Однако эту попытку вряд ли возможно считать удачной – данный сборник научных трудов представляет собой несвязанные между собой и с заявленной общей тематикой эссе, а основная рефлексия авторов развивается в духе постмодернистов.

Вопрос о необходимости существования метафизики в новых условиях не раз был предметом обсуждения на страницах «Вопросов философии». В своей статье «Как возможна метафизика?» С.Л. Катречко, следуя традиции классической философии, догматически утверждает, что метафизика есть следствие природной склонности к ней человека, некоего homo metaphisicus. Таким образом, Катречко просто игнорирует необходи-

* © Федорова М.В.

мость обратиться к вопросу переоценки постмодернистского наследия. [7,83-95] Селиванов А.И., осознавая проблему спорности возможности метафизики в новых условиях, пытается всё же обосновать её ценность, апеллируя к необходимости возврата к традиции, чтобы преодолеть ситуацию культурного разрыва. В частности, отмечает автор, это необходимо для России, которая в рамках глобалистской модели должна разработать свой конкурентноспособный культурологический типаж на основании «универсально значимых системах воспитания и подготовки человека», то есть системах, носящих метафизический характер. [16,49-50]

Основой для реабилитации метафизики стала очевидная слабость логики деконструктивистского метода: не ставя пределов разрушению, деконструкция, по сути, дала толчок для собственного разрушения. Помимо прочего, как справедливо было отмечено рядом исследователей [2,42; 21,16], в самом термине *Déconstruction* «сочетаются «разрушительное» «de» с созидательным «con». Настолько созидательным, что даже «de» при случае могло обозначать не отрицание, а генеалогическую связь», то есть такое отклонение, которое будучи направленным на выявление в ней некоего неструктурируемого остатка, «следа», дополнения, может стать основой для конструирования новой реальности. Конструкционизм, логично вытекающий из «постструктуралистско-деконструктивистско-постмодернистского» комплекса, а именно его креативная форма (практически не востребованная западной философией) ставит своей задачей не показывать сконструированность реальности или теории, а производить новые, альтернативные конструкты во всех областях мышления. Именно такой подход стал основой для становления философии М. Эпштейна, которого мы относим к представителям современной русской философии.

Эпштейн непосредственно наследует постмодернизму, более того он пытается идти по его же стопам: отыскать в построениях Деррида «скрытую метафизическую сущность» и предложить свой проект преодоления метафизики. Главный аргумент Эпштейна против постмодернизма состоит в том, что деконструкция тоже является мировоззрением и предполагает, хотя критическую, но единственную модель мира. Концепты деконструкции (например, «следы») хотя и не материальны, но они находятся в горизонте существования, характеризуясь предикатом «есть». А по Эпштейну «философия вовсе не обязана связывать себя с миром сущего и должного, с действительностью и с необходимостью. Призвание философии, которое открывается перед ней в посткритическую эпоху - третья модальность, мир воз-

можного. Философия до сих пор старалась объяснить или изменять мир, тогда как собственное её дело - умножать возможные миры».[21, 53-54] То есть для Эпштейна вся проблема метафизики сводится к модальности – модальность возможного, вот настоящее преодоление метафизики. Поэтому концепцию Эпштейна и называют часто поппибилизмом или понтенциализмом. [10,60; 9,6]

Близок к такой позиции оказывается и Ф. Гиренок, утверждающий: «человек, и бытие могут мыслиться одинаково. Правда, с одной оговоркой. Человек помещён в пространство непрерывно длящегося «есть» [курсив мой – М.Ф.] в той мере, которой оно есть боль. Эта боль и отличает человека от бытия, ставя последнее под вопрос. Поэтому тяжба между онтологией и антропологией закончилась победой антропологии. Онтология потеряла свой былой статус среди философских дисциплин и стала маргинальным способом рассуждения». [3]

Тип философствования, выстраиваемый Эпштейном, основан не на критерии истинности и объективности, а на критерии интересности. Отсюда вместо модели классической метафизики предлагаются «малые метафизики». (Примером такой «малой метафизики», построенной на основании частности и принципа интереса, является например «метафизика футбола В. Руднева [15]).

Таким образом, для М. Эпштейна и ряда других представителей современной русской философской мысли, сама философия является чистой условностью, ничего не значащей для мира, индивида, социума. Ф. Гиренок отмечает: «философия перестала быть картиной мира. Она не отражает мир, а изобретает его. Современная философия нуждается не в опыте, а в воображении, потому что опыт линейно упорядочен, вербально выразим». [4]

Проекты «малых метафизик», основанные на методологических установках креативного конструкционизма (Эпштейн предлагает свой термин - «концептивизм») и поппибилизма, выливаются в конструирование, «творческое порождение» нового вида бытия. Как представляется, данный подход потенциально содержит в себе идею отнюдь не преодоления, а обоснования метафизики на качественно новом уровне. На такую возможность указывает, например, Ю.А. Леонтьев: «Овозможествление действительности по сути не отличается от объявления всех возможностей равно действительными». [10,59-60]

Для Эпштейна таким новым видом бытия становится «онтотехника», создающая «новый пространственно-временной континуум, новую сенсорную среду и способы ее восприятия, новые виды организмов, новые формы разума. Тем самым техника уже не уходит от философии, а за-

ново встречается с ней у самых корней бытия, у тех вне-чувственных первоначал, которые всегда считались привилегией метафизики». [20,61]

Таким образом, Эпштейн, в сущности, предлагает новый проект метафизики, отличный от классического понимания, однако содержащий в себе необходимые для обоснования метафизики посылки: во-первых, характеристику научности с четким полем исследования, методологией и понятийным аппаратом (разрабатываемые самим Эпштейном); во-вторых, тезис о сверхчувственном, и, в-третьих, связь с философией.

Идея возможности-потенции, актуализируемая в вариантах «малых метафизик», находит свое воплощение также в другой форме обоснования метафизики. Такой формой и реализуемыми в её рамках проектами, актуальными в пост-постмодернистский период, как представляется, является форма, основанная на признании метафизичности процесса и оперирующая такими категориями, как «движение», «раскрытие», «потенция», «реализация», «изменение» и т.д., объединяемые, в конечном итоге, в понятии «жизнь». Данный вариант обоснования метафизики, обозначаемый здесь как «метафизика процесса», есть новый взгляд на проблему метафизического, разрушающий идею «метафизики субстанции», что дало возможность П.П. Гайденко называть его «постметафизической философией», а И.И. Евлампиеву «неклассической метафизикой». [5,159-171; 1,128-139]

Основными характеристиками «метафизики процесса» становятся: приоритет внутреннего опыта, опыта сознания по сравнению с опытом внешним; абсолютизация значения индивидуального бытия человека, через раскрытие потенций и творческую энергию которого происходит восхождение к Абсолюту; наделение Абсолюта новыми чертами, главная из которых это возможность реализации Абсолюта в человеке.

Как справедливо отмечает П.П. Гайденко, данный тип неклассической метафизики (метафизики процесса) берет свое начало ещё в XVIII веке в английском эмпиризме и сенсуализме и, последовательно реализуясь в немецкой классической философии, в философии Ницше, Шопенгауэра, достигая своего расцвета в «метафизике жизни» А. Бергсона, доходит до Хайдеггера.

На наш взгляд, *особенным этапом* в становлении данного типа метафизики является русская философская мысль второй половины XIX – начала XX вв.

Спекулятивная русская философская мысль отличалась такими характеристиками, как выраженный антропологизм и религиозная окрашенность, что обусловило центральность темы богочеловечества, где человек понимался как «человек мистического и богооткровенного опы-

та», реализация божественного замысла, ведущая к качественно новому состоянию человеческого бытия. В идейных построениях В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, Н.О. Лосского, С.Л. Франка и других русских мыслителей эта концепция получает свое философское обоснование. Хотя необходимо отметить, что своё первоначальное воплощение она нашла в философии академистов, в частности у академистов антропологического направления П.Д. Юркевича и В.И. Несмелова. Оба философа создают оригинальные законченные проекты обоснования метафизики, в которых метафизические основы бытия раскрываются ими через человеческую сущность. Философские системы Юркевича и Несмелова являются важными вехами в истории становления русской философии. Так, Юркевич, одним из первых делающий попытку создания философской системы (которую можно обозначить как «метафизика сердца») и будучи учителем В.С. Соловьева, стал одним из предтеч русской идеалистической философии, определившим в середине XIX века будущее развитие антропологической мысли.

Несмелов, в силу новых требований к антропологии на рубеже XIX-XX веков, отталкиваясь от некоторых положений Юркевича, создает собственный философский проект («метафизика жизни»), оказавший сильнейшее влияние на становление мысли Бердяева и направившее развитие религиозной философии в новое русло – в русло экзистенциализма и персонализма. При этом философские рассуждения и Юркевича, и Несмелова строятся в контексте традиции академической мысли. Как представляется, именно академический способ философствования, а точнее такая его характеристика как апелляция к святоотеческой традиции и неопатристический синтез, позволили создавать русским философам оригинальные проекты обоснования метафизики как «метафизики процесса». Данный способ обоснования востребован и в эпоху пост-постмодернизма.

Так, определенный интерес в современную эпоху представляет идея персонализма, которая в XXI веке получает свое новое развитие и звучание. Интерес к данной проблематике возникает как зарубежом, так и в России. [12] Современный персонализм вбирает в себя много концепций, то есть нужно говорить не о единой теории, основанной на одном понятии, а о «целой сети понятий личности, тем более что контекст употребления и семантика этого термина варьируются в зависимости от того, идет ли речь о проблемах персональной идентичности, единства сознания, субъекта, Я, индивидуума, самосознания, ответственности, свободы, собственности, субъективных прав или божественных ипостасей». [12,7] Однако особый интерес приобретает один из тех

видов персонализма, что возникает на русской почве, генетически восходящий к русской религиозной философии, в частности, в философии академической, где идейным каркасом трактовки личности выступает теория теизма, понимающая личность человека как отражение Абсолютной Личности.

Оригинальным ходом для современных отечественных философов стало обоснование идеи персонального бытия, как метафизического основания, на принципе дополнения традиции русского (академического) философствования идеей Dasein (тут-бытие, здесь-присутствие) Хайдеггера. [19,139-149] Обращения к Хайдеггеру в таком ключе: дополняемость его идеями святоотеческой традиции, также есть вариант попытки нового переосмысления ситуации, возникшей после разрушения метафизики в конструкциях постмодерна. И здесь отечественные персоналисты пытаются преодолеть ситуацию «разрыва» в традиции философствования через обращения к тому же источнику (Хайдеггер), что и постмодернисты, только переосмысливая его в нужном им ключе.

Таким образом, игнорируется сама необходимость анализа постмодернистских интуиций. Возможность такого, казалось бы, парадоксального синтеза хайдеггерианской мысли и традиции восточной патристики достигается за счет ряда факторов. Прежде всего, особого понимания Dasein, которое «есть всякий раз своя возможность, хотя при этом неверно, что оно «обладает» этой возможностью как чем-то наличным», то есть феномен Dasein имеет процессуальный статус, он предусматривает раскрытие возможности: «мы в самом деле набрасываем свою жизнь в направлении наших возможностей». [19, 142] То есть свой онтологический статус Dasein получает в процессе самораскрытия. Применяя метод деконструкции, Хайдеггер прежде всего преодолевает метафизику в её западноевропейском варианте, том, который складывается на основании линии Аристотель-Фома Аквинский. Западноевропейский вариант существования (экзистенции) связан со способностью «быть субъектом приводящих определений», в его основе лежит трактовка материи как принципа индивидуальностей.

В этом отношении, понятие ипостась, культивируемое в восточной патристике резко отличается от западноевропейского понимания сущности человеческого бытия. Ипостась трактуется как исток энергий, «вечно движущих сил умной души». [19,145] На этом основании будет строиться и практика исихастской традиции, которую С.С. Хоружий делает основанием своей энергийной антропологии и энергийной онтологии. Этот дискурс энергии предполагает особое видение трансцендирования, как некоего духовного про-

цесса личного (ипостасного) бытия-общения. [18,66] Соединения теории Dasein (вбирающей в себя идею становления, обнаружения возможностей), с концепцией раскрытия ипостаси, идеей синергии и «диалоговой молитвы», позволяет сформировать особенный вид персонализма, который, во-первых, есть очередной вариант обоснования метафизики как метафизики процесса (диалог как элемент языковых игр, элемент деконструкции приобретает метафизический смысл трансцендирования себя, выход за пределы человеческого бытия). А, во-вторых, предлагает и особый взгляд на человека, который может быть востребован в современной культурной ситуации как основание новой гуманитарной парадигмы.

Открытие в человеке метафизического ресурса, поиск в рамках персонального бытия ценностных оснований делает этот проект особо значимым в современную эпоху всеобщей информатизации и глобализации при возникающей угрозе уничтожения личностной идентичности. Помимо прочего, проекты, предлагаемые в рамках метафизики процесса, могут стать теоретическим фундаментом для обоснования идей коэволюции и человеческой коммуникации. Например, В.Е. Кемеров [8,59-67] предлагает проект обнаружения метафизических свойств между связями, возникающими в процессе как социальной коммуникации, так и субъектно-предметной коммуникации.

Именно в процессе взаимодействия между собой люди и вещи «выходят из себя», то есть происходит разворачивание индивидуального бытия «присоединения к нему каких-то средств, сочетания его с действиями других субъектов, в плане самоизменения, когда внешней задачей становится выработка новых качеств, наращивание собственных сил, изменение позиции или точки зрения... Вещи также перестают быть тождественными своим физическим контурам, они открывают индивиду заложенные в них качества и формы, служат человеку средством движения его сил, направляют энергетiku его способностей». [8,61] Таким образом, Кемеров говорит о конце старой метафизики, явно или скрыто предполагавшая вещную дискретность бытия, и на становление нового типа метафизики, смещающей метафизическое «про-зрение» в проблематику «динамических дальностей и соответствий, воспроизводимости процессов и неповторимости событий» [8,67].

Такое видение метафизики – безусловно, «метафизики процесса» - на наш взгляд, заслуживает пристального внимания, так как, во-первых, утверждается ценность индивидуального бытия; во-вторых, предполагается раскрытие метафизических начал в процессе социальной коммуникации, что позволяет соединить рационалис-

тические установки идеологов глобализации с проблемой поиска духовного основания; в-третьих, это попытка преодоления негативных интенций со стороны того, что можно назвать «виртуальная» или «информационная» реальность, что также является актуальным в эпоху пост-постмодернизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гайденок П.П. Постметафизическая философия как философия процесса / П.П. Гайденок // Вопросы философии. – 2005. - № 3.
2. Гараджа А. Деконструкция — дерридаизм — в действительности / А. Гараджа // Искусство. - 1989. - № 10.
3. Гиренко Ф. «Офилософить» нельзя только учебники по философии. Интервью с Федором Ивановичем Гиренком / Ф. Гиренко // Русский журнал. - 2008. - 17 марта.
4. Гиренко Ф. Философия – это наше уже-сознание / Ф. Гиренко // http://www.alexnilogov.narod.ru/sofr_rus_fil/girenok_filosofiya-eto-nashe-uje-soznanie.html
5. Евлампиев И.И. Неклассическая метафизика или конец метафизики? Европейская философия на распутье? / И.И. Евлампиев // Вопросы философии. - 2003. - № 5.
6. Ильин И. П. Постмодернистская чувствительность / И.П. Ильин // Современное зарубежное литературоведение (Страны Западной Европы и США). Концепции. Школы. Термины: Энциклопедический справочник. - М.: Интрада, 1996.
7. Катречко С.Л. Как возможна метафизика? / С.Л. Катречко // Вопросы философии. - 2005. - № 9.
8. Кемеров В.Е. Метафизика – динамика (к вопросу об эволюции метафизики) / В.Е. Кемеров // Вопросы философии. - 1998. - № 8.
9. Кутырев В.А. Философия иного, или Небытийственный смысл трансмодернизма / В.А. Кутырев // Вопросы философии. – 2005. - № 12.
10. Леонтьев Ю.К. Деконструкция и POSSIBILITY: два философских проекта эпохи глобализации / Ю.К. Леонтьев // Глобальное пространство культуры. Материалы международного форума 12-16 апреля 2005 г. - СПб.: ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРЫ, 2005.
11. Новейший философский словарь. Минск, 2001.
12. Персональность – тема и проблема современной мысли / Предисловие редакторов // Персональность. Язык философии в русско-немецком диалоге [Научный сборник] / Под редакцией Н.С. Плотникова и А. Хаардта. М.: Модест Колеров, 2007.
13. Перспективы метафизики: классическая и неклассическая метафизика на рубеже веков / Под. Ред. Г.Л. Тульчинского, М.С. Уварова. - СПб.: Алетейя, 2000.
14. Рорти Р. Каково будущее религии после метафизики / Р. Рорти, Дж. Ваттимо, С. Забала // Логос. - 2008. - № 4.
15. Руднев В. Метафизика футбола / В. Руднев // www.ruthenia.ru/logos/number/1999_08/1999_8_06.htm - 29k -
16. Селиванов А.И. Метафизика в культурологическом измерении / А.И. Селиванов // Вопросы философии. - 2006. - № 3.
17. Труитт У.Г. Предшественники постмодернизма и его связь с классическим американским прагматизмом / У.Г. Труитт // Вопросы философии. - 2003. - № 3.
18. Хоружий С. С. Заметки к энергийной антропологии. «Духовная практика» и «отвержение чувств»: два концепта в сравнительной перспективе / С.С. Хоружий // Вопросы философии. - 1999. - № 3.
19. Черняков А. Хайдеггер и персонализм русского богословия / А. Черняков // Персональность. Язык философии в русско-немецком диалоге [Научный сборник] / Под редакцией Н.С. Плотникова и А. Хаардта. М.: Модест Колеров, 2007.
20. Эпштейн М. Знак пробела: О будущем гуманитарных наук / М. Эпштейн. - М.: Новое литературное обозрение, 2004.
21. Эпштейн М. Философия возможного. Модальности в мышлении и культуре / М. Эпштейн. - СПб.: Алетейя, 2001.

M. Fedorova

DEVELOPMENT PERSPECTIVES OF METAPHYSICS AND THE MATTER OF ITS NEW FOUNDING IN THE POST-POSTMODERNISM

Abstract: The phenomenon analyzed in the article is the destruction of the concept of classical metaphysics in postmodern and neopragmatism discourse. Special attention is paid to the possibility of metaphysics being identified anew as “metaphysics of process”, which is demanded in modern philosophical communication. The potency of the given model of metaphysic structure can be gained in Russian philosophical religious anthropology.

Glossary: postmodern discourse, post-postmodernism, grounds of metaphysics, “metaphysics of process”, philosophical religious anthropology, personalism.